

Имея в виду такой конечный результат «культпохода» бригад столичных мастеров искусств на уральские новостройки, яснее становится, что организованный «наплыв» художников на Урал в первые пятилетки был продиктован стратегическими целями партии. Следует отчетливо представлять, что власть создавала страну для себя, добиваясь политической лояльности всех регионов.

Укрепляя экономическую и промышленную мощь Урала, необходимо было в то же время накрепко привязать его к существующей власти. Для того, чтобы решить эту противоречивую задачу, надо было лишить Урал его внутренней опоры — его связи с собственной историей. Надо было представить дело так, словно мечта о социалистической революции была главным заветным желанием всей уральской истории, словно сам Урал является творцом нынешней советской реальности.

Новое «уральское искусство» возникает и начинает развиваться в искусственных рамках, по существу, в качестве некоего проекта, берущего свое начало от бесчисленных «изображений труда» 30-х годов. Его содержание определяется и направляется созданным «уральским мифом», который в свою очередь становится формой регионального самосознания. Последствием такого положения для художественной культуры Урала стало то, что, окрепнув, миф начал определять содержание, формы искусства, диктовать направление его развития. Для региона, который еще только искал путей и способов выразить себя, искал выхода культуротворческим силам (а Урал относился именно к таким регионам), новая советская культура стала единственно возможной формой самореализации.

С. Н. Некрасов
Екатеринбург
В. С. Некрасов
Москва

ДВЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ УНИВЕРСАЛЬНОГО В КУЛЬТУРЕ: НА ПУТИ К НОВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И КОНВЕРГЕНЦИИ КУЛЬТУР

1. Традиционная модель «своего» и «чужого» в культуре: русский опыт К. Маркс писал в 1843 г. в статье «К еврейскому вопросу» не о национальности и не о религии, но о грязном духе торгашества, ибо ранее он сообщал, что «вексель — это действительный бог еврея», и «химерическая национальность еврея есть

национальность купца, вообще денежного человека». Итоговая книга «русского пророка» А. И. Солженицына «Двести лет вместе. 1795-1995» посвящена русско-еврейским отношениям. Наш пророк полагает, что еврейский вопрос часто использовали все политики для обострения борьбы с самодержавием. Вот и большевики у Солженицына пришли к власти, но поняли, что могут ее не удержать и тогда благодаря маневрам Ленина они пригласили еврейских интеллигентных людей для занятия мест чиновников. Именно поэтому евреи оказались широко представлены в аппарате.

Получается, что абстрактные большевики, придя к власти, не смогли обойтись без евреев — те со стороны наладили работу аппарата, организовали продотряды, террор, карательные экспедиции, расправы. На самом деле центральные комитеты всех революционных партий от большевиков до эсеров в большинстве своем состояли из евреев — представителей «блуждающего этноса» (по дефиниции Л. Н. Гумилева), «малого народа» (в понимании И. Р. Шафаревича), но об этом Солженицын умалчивает. Для Солженицына евреи посланы русским как «движущий катализатор» общественной жизни, однако зачем сей катализатор нам заслан мы не знаем, как не знаем Божьего замысла. Его удивляет лишь одно свойство еврейского народа — умением не ассимилироваться. Русские же в диаспоре быстро утрачивают связь с основной массой — второе их поколение уже подпорчено, а третье — уже не русские. На своей земле евреи создают прекрасные кибуцы, ну а на чужой работать не хотят, о чем свидетельствует крах полтора десятков лет попыток царизма приспособить евреев к сельскому хозяйству.

На наш взгляд, трагический исторический опыт еврейского народа показывает: народ должен надеяться лишь на себя — должен стать самомессией, активным борцом за свое освобождение. Наиболее глубоко это осознал русский народ — труженик, потерявший в древности свободную жизнь, но не утративший память о свободе. Он всегда спасал себя от насильников собственными руками, о чем свидетельствует его история. У народов мира заметна тенденция угасания веры в мессию-одиночку и усиление веры в реального мессию-массу. Многие народы пытались взять на себя роль такого коллективного мессии, но до конца это не удалось никому. Причина одна — слишком сильны мораль насилия, государственные законы и религиозные каноны. Преодолеть их могут лишь народы, которые обладают реалистическим мышлением и традициями общественной жизни. В начале XX в. именно таким оказался русский народ. Так, А. Л. Великодный пишет: «Россия многие века совмещала в себе несовместимое: цивилизованную

дикость насилия власти паразитических классов, их государства, антикультуру, в которой человек человеку недруг, враг, и первобытную культуру, в которой были живы принципы «люби ближнего», «не убий», где человек человеку был друг и брат. Народ многие годы мог сравнивать эти две системы и основательно осмыслить, какая система более соответствует интересам людей труда. Русский народ свой выбор сделал давно в пользу общинного строя и лишь искал возможности освобождения себя от насильственной системы»(1).

В течение многих веков в России существовали два параллельных строя общинный и государственно-эгоистический. Отсюда и русская раздвоенность: в русских сосуществуют принципы добра и принципы прямо противоположные. Двойная мораль, двойственный характер русских по-разному проявлялись в разных обстоятельствах. В общинном сакральном сознании лежит секрет силы русского духа: «сам погибай, а товарища выручай», «на миру и смерть красна». Понятно, что для спасения русских их численность уже в первой четверти XX в. должна увеличиться в 2-3 раза, в противном случае судьба русской земли будет интересоваться исключительно соседей России. Следует изменить притчу о завещании старого армянина детям: «Берегите евреев, потому что мы следующие». Если же сделать ставку на позитивное развитие событий, то следует сказать: «Берегите русских, ибо без них не будет ни армян, ни евреев!»

2. ГОСУДАРСТВЕННО-НИЧЕСКОЕ НАЧАЛО РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Русский — государственный, и в этом нет ни тайн «русской души», ни рабской психологии по К. Марксу, а есть исторический урок, ибо раз ослабла государева десница — жди чужеземца. Такой долгое время была участь народа, волею истории расположенного между Востоком и Западом. Русский народ подобно ледяному панцирю сковывал мир национальных и националистический эгоизмов малых народов, сохранял их генофонд для будущего и в этом заключена была объективная роль русского народа. Сегодня Россия как никогда нуждается в проявлении государственной воли народа. Г. Д. Гачев фиксирует в психике русского человека противоречие — «Он застенчив, стыдлив, кроток и нагл, самоуверен. Но это в разных местах и отношениях. У себя дома, на Руси, он неуверен и чувствует себя виноватым»(2). Автор продолжает — и совсем другая психика, и душа, и самочувствие у русского на стороне — там, куда он пришел в порядке мессианского расширения Руси и где он уже пришелец и начальник, полагающий нача-

ло новой жизни тут как цивилизатор(3). Г. Д. Гачев приписывает русским стремление «делать ничего» как объект труда, где небытие и пустота — изделие. Влечение к небытию, к смерти, к гибели для него — исток знаменитой жертвенности русских и готовности умирать. Вот под это обличие идеала может что угодно встроиться — и царствие небесное, и мировая революция и смерть всеобщая. Автор именует себя «русскоязычным» в этих «неосторожных соображениях», названных «Русь — жертва России». Он сообщает, что встретил знакомого, заметившего: «И пишешь ты как-то странно, вроде на русском, а не по — русски. Все-таки чувствуется не наш».

Размышляя о причинах ухода русских к «своеязычным» — ухода мужика от своей бабы (Руси), Г. Д. Гачев разбирает сюжеты диалога «в русскоязычных Логоса с Этносом», двух женщин — Руси и России, застенчивости и самоуверенности в русском человеке, наконец, «сюжет с еврейством» и его остроту в ходе русской революции. Он пишет: «А между тем, когда миллионы дворян и интеллигентов были изгнаны из России, святы места интеллигенции волей-неволей заняты были юркими евреями из местечек — пока-то прочухается русак с его замедленным, по природе-берлоге, темпоритмом!... Вот и стало еврейство тут законничать, а закон-то знали — как Тору и Талмуд, и выработали из марксизма и социализма — идеологию начетническую, буквалистскую, что цепенила умы. Так же «ам-хаареца» — «человека земли» традиционно презирали в иудействе — как низшего, и, не имея понятия о земледелии, крестьянина (еще и — христианина) — в низший разряд отрядили в сравнении с классом — мессией, по Марксу, — пролетариатом» (4).

3. «ГРЕХ ВЕЛИКИЙ» КУЛЬТУРЫ РУССКО-ЕВРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Так что «грех великий произошел» во многом по недоразумению, а не по злой воле. Получился в 20-30 гг. «еврейский Ренессанс», когда потенциал малого народа диаспоры пружинно распрямился. В 90 же годы произошло прямое фарисейское «отщепление» от народа, смело названного «совками». Главной целью таких реформаторов духовного наследия стало уничтожение русского национального сознания. В результате исчез и ренессанс малых народов — после революционного обособления их интеллигенции от русской творческой интеллигенции оказалось, что «король голый» — новая культура стала рождать лишь кич. Сегодня власти и оппозиции нужно начать с утверждения русского национального самосознания, русского патриотизма. У А. И. Подберезкина

получается: «Прежде всего необходимо не бояться сказать «я-русский», моя нация — русская, у моего государства есть национальные (а не некие абстрактные общедемократические, либерально-рыночные, «правочеловеческие» и прочие) интересы. Наконец, необходимо сказать громко, чтобы это отчетливо услышали не только в России, но и за рубежом «горжусь тем, что я русский, и это право я буду защищать»(5). В противном случае приобретает силу приведенное автором высказывание Л. Шебаршина: «Россия — это страна, населенная русскими, которыми правят россияне». Получается, что первый шаг на пути преодоления мировоззренческого хаоса в стране заключен в магической фразе «Я — русский», а первая фраза политика должна быть от Е. М. Примакова: «Я защищаю национальные интересы». Все это необходимо не только для проведения границ между различными интересами, но и для продолжения русской традиции органичности культуры — отказа от проведения разделения людей по этническому признаку.

Лишь осознав национальную идентификацию, можно ликвидировать хаос и катастрофы в XXI в., поскольку социальный катастрофизм России связан с движением наперекор традиции диалога культур. Вопрос о возрождении России — это вопрос о русской духовности. Духовность неразрывно связана с интеллектуальными ресурсами нации, с интеллигентностью (а не образованностью или религиозностью только). Носителем и защитником духовности в нашем обществе уже была интеллигенция — теперь вопрос ставится о смене типа интеллигентности под воздействием изменения самой народной жизни. Диалог двух великих народов — богоносного и богоизбранного — спасет Россию и мир.

1. Великодный А. Л. Россия-Мессия. М., 1998. С. 17.
2. Гачев Г. Д. Русская дума. М., 1991. С. 148
3. Там же. С. 149.
4. Гачев Г. Д. Русская дума. М., 1991. С. 152.
5. Там же. С. 35-36.

Н. Н. Никитина
Екатеринбург

«УЧИТЕЛЬСТВО» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МОДУС КУЛЬТУРЫ

Каковы роль и место учителя в современной культуре? Этот вопрос представляется нам актуальным в современном обществе,